

Отсчёт пошёл

16+

Малыгин Илья

Илья Игоревич Малыгин

Отсчёт пошёл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67250594

SelfPub; 2022

Аннотация

Маньяки всегда были неотъемлемой и отвратительной частью нашего мира. Что ими движет? Что толкнуло на первое убийство?

Илья Малыгин

Отсчёт пошёл

Стены были выкрашены в тот цвет, который Алексей Гоффман мог назвать «блевно-зелёный». Словно кто-то поел свежей капусты и тут же исторг её. В коридоре было прохладно, хотя за пределами тюремного блока стояла жара в тридцать градусов. Он представил насколько градусов температура опускается здесь зимой.

Каблуки его итальянских кожаных туфель отстукивали ритм о бетонный пол. Он утёр пот со лба шёлковым платком, который на прошлое 23 февраля подарила ему жена. Мария знала толк в подарках на любой случай.

Алексей постарался выкинуть мысли о жене. Он не верил в способность людей к телепатии, но всё равно не хотел, чтобы хотя бы у кого-то кто сидит в одной из камер этого коридора был шанс каким-то образом перехватить мысли о его любимой Марии. Сама мысль об этом была отвратительна. Это был блок для пожизненно заключённых, а пожизненный срок не дают тем, кто ворует у старушек сумочки на улице. Здесь сидели «самые отпетые ублюдки», как выразился бы его отец – насильники, серийные и массовые убийцы, каннибалы. В таком месте сразу отпадает желание думать о женщинах. Особенно любимых.

Алексей подошёл к железной двери-решётке, угрюмый

охранник на той стороне кивнул ему и с лязгом отпер её.

– На следующем повороте налево.

Гоффман кивнул в ответ и пошёл дальше. Повернув, он увидел ещё одного охранника, но знакомого и чином повыше – старшего лейтенанта Дмитрия Петренко.

– Без опозданий, а, док?

Алексей попытался улыбнуться, но получилось что-то вымученное. Они пожали руки.

– Он уже там? – Гоффман указал на железную дверь за спиной лейтенанта за которой было что-то вроде допросной.

Петренко кивнул. Было видно, что ему есть что сказать, прежде чем запускать знакомого психолога.

– Инструктаж безопасности я уже вам провёл и повторяться не хочу. Хочу отдать вам должное – не так много людей, которые по собственному желанию хотят оказаться с *ним* в одной комнате.

– Это необходимо, лейтенант. Мне нужно находится напротив него и видеть его лицо в тот момент, когда он будет всё мне рассказывать.

– Понимаю, – вздохнул Петренко. – По вам не видно, что вы волнуетесь, но я всё равно предупрежу – Мясник не пытается убить психологов и журналистов, которые приходят его допрашивать. Очень любит, когда его слушают, мразь.

– Звучит очень обнадеживающе. А что насчёт работников тюрьмы?

Гоффман мог и не спрашивать. Задолго до того как при-

ти сюда, он следил за новостями о времяпрепровождении Мясника за решёткой и прекрасно знал, что он мог сотворить с работником тюрьмы, если тот хотя бы косо посмотрит на него.

– Месяц назад приложил головой об стену одного из наших ребят. Парень был новичок, не знал что этот говнюк очень впечатлителен. Он остался жив, но до сих пор питается через трубочку и непонятно в каком состоянии будет, когда встанет на ноги.

Петренко зло посмотрел на железную дверь.

– Жаль нам не выдают огнестрел по соображениям безопасности. Давно бы уже устроил ему «убит при попытке бегства».

У Алексея засосало под ложечкой. Он знал к кому идёт и весь вчерашний день настраивал себя для этой встречи. Но человек так устроен – как бы он ни был уверен, перед самым главным возникают сомнения. Чего уж греха таить – страх.

– Вы ясно дали понять, что будете беседовать с ним только наедине. Я буду здесь на случай ЧП. Кричите, если хотя бы почувствуете, что что-то идёт не так. Когда ваш разговор будет окончен постучите в дверь трижды.

Прежде чем войти в комнату допроса, Алексей Гоффман ещё раз внимательно посмотрел на старшего лейтенанта Дмитрия Петренко. Достаточно высокий ростом и широк в плечах, он поглаживал висящую на поясе чёрную дубинку. Даже если что-то и пойдёт не так, он сможет утихомирить

то, что сидит за железной дверью. Алексей ослабил галстук и вошёл в допросную.

Из мебели в допросной был только большой стол и два стула. Не было никакого зеркального стекла почти во всю стену, через которое обычно наблюдают за допросом. Не было даже видеокамер. Тюрьма была старой и отживала свой век. Источником света служило забранное решёткой окошко. Солнечные лучи падали на покрытое морщинами лицо заключённого к которому пришёл Алексей. Маленькие свиные глазки оценивающе осматривали его. Недельная щетина обрамляла поджатые узкие губы. Он был похож на Рона Перлмана, только с коротко побритыми волосами.

Алексей подошёл к свободному стулу, снял пиджак и повесил его на узкую спинку. Он рассчитывал, что этот жест вызовет доверие Артемия Спиридонова, которого СМИ ещё в период «деятельности» окрестили Мясником, и настроит на откровенную беседу. Тот не шелохнулся. Здоровые ручищи в тюремных наколках оставались всё в том же сложенном как при молитве положении. Рукава робы цвета кала заканчивались чуть ли не у локтей. Видно не смогли найти ему форму по размеру и это не мудрено – Артемий был на голову выше Алексея даже когда сидел. Гоффман никогда не считал себя низким со своими 180 сантиметрами роста, но перед этим гигантом даже у старшего лейтенанта Петренко наверное возникали комплексы.

Алексей сел и поздоровался. Руки не протянул, это за-
прещалось. Артемий лишь слегка кивнул головой. Психиатр
удивился, когда Мясник начал задавать ему вопросы:

– Сколько вам лет?

Для описания голоса Артемия Спиридонова хорошо бы
подошло прилагательное «ржавый». Он был слегка скрипу-
чий и очень низкий. Жутковатый баритон, который никто бы
не захотел услышать за спиной посреди тёмного парка.

– Мне 28.

– Не против если с этого момента я буду обращаться к
тебе на ты? Я привык не «выкать» с теми кто меня младше.

Маленькие свиные глазки Спиридонова не отрывались от
психиатра. Он внимательно наблюдал за его реакцией.

– Я не против, – кивнул Алексей. – Но будет справедливо,
если и я в обращении к вам перейду на ты.

Ни один мускул не дрогнул на лице убийцы. Он лишь слег-
ка кивнул.

– Ты не куришь?

Ещё один вопрос и ещё раз неожиданно.

– Нет.

– Очень жаль. Мне перестали давать сигареты за «плохое
поведение». Не помню уже когда в последний раз курил. Го-
тов убить хоть за одну затяжку.

Рубашка прилипла к потной спине Алексея. У него не по-
лучалось расслабиться и перестать нервничать. Тяжело бы-
ло понять пошутил ли этот макрушник или действительно

строит в голове план, как придушить назойливого психиатра, который выдернул его из камеры в этот день. Лицо его оставалось каменной маской. Как у самого настоящего психопата, кем он и являлся по заключению экспертизы.

– Возможно, тебе не стоит наносить увечья персоналу. Тогда сигарет никто не лишит.

Артемий повёл плечами. Алексей почти вздрогнул, но удержался.

– Брось, парень. Я не сдерживал себя раньше, на воле, и не вижу смысла сдерживать себя здесь, за решёткой. Мне здесь сидеть до конца жизни и будь я проклят, если не использую это время, чтобы отправить на тот свет ещё парочку гнид, которые вызывают во мне презрение.

И опять же – ни одной эмоции на лице.

Алексей прочистил горло и решил преступить к тому, зачем пришёл:

– Ты не против если мы познакомимся? Меня зовут Алексей.

– Артём.

Тут он протянул руку. Звякнули наручники.

Алексей опасно принял рукопожатие. Хватка Мяслика оказалась медвежьей. Если прикинуть, ему ничего не стоило свернуть шею Алексея и не заметить. Как отвинтить крышку от бутылки.

– Ну и зачем же ты меня побеспокоил, Алексей?

Гоффман ослабил и так спущенный галстук.

– Видишь ли, я психиатр. Я пишу научную работу. Она про маньяков, серийных убийц. О том, как люди ими становятся. Думаю разговор с тем, кто убил шестьдесят одного человека, поможет.

– Сто двух.

– Что-что?

– Шестьдесят одно убийство удалось доказать. Ещё сорок одно мне не приписали из-за недостатка доказательств. Но я-то знаю скольких убил.

У Алексея не укладывалась в голове такая цифра. Сто два убийства! Да даже при условии, что Мясник куражится и на его счету только шестьдесят одна жизнь, это всё равно много для одного человека.

– Тем более, – с нажимом на каждое слово проговорил Гоффман. – Не каждый день удаётся поговорить с убийцей с таким обширным «послужным списком».

Алексею было противно от самого себя. Он льстит этому подонку, и всё ради истории для исследования. Льстит, и без толку. В глазах душегуба не было даже намёка на интерес.

– Знаешь что? Сотрудничество должно окупаться. Если расскажешь то, что мне нужно, я договорюсь с охраной. Они начнут выделять тебе сигареты.

– Как я и сказал – готов убить хотя бы за одну затяжку. Но не думай, психиатр, что меня можно купить. – прохрипел Артемий. – Я расскажу то, о чём попросишь, но не потому что ты пообещал мне сигареты. Я люблю мысленно возвра-

щаться к содеянному.

– Значит, по рукам?

Артемий промолчал.

– Расскажи о своём первом убийстве. Только в подробностях.

Произошло неожиданное – Артемий улыбнулся. Это была даже не улыбка, а полуухмылка. Как будто о застал Алексея за грязным занятием.

– Зачем же было добиваться встречи? Почитал бы статьи и интервью журналюг, которые общались со мной.

– Я считаю, лучший источник – первоисточник.

Артемий кивнул.

– Мой первый раз, значит? Хорошо. Но только не перебивай, психиатр. Всё что я буду говорить относится к делу, даже если тебе покажется по-другому.

– Минутку.

Алексей достал из кармана брюк маленький диктофон и положил на стол.

– Ты ведь не против если я буду записывать рассказ на плёнку?

Артемий покачал головой. Алексей нажал на кнопку, диктофон зажужжал. Мясник потёр шею и начал.

Первое убийство как первая любовь, никогда не забудется. Так вроде бы сказал тот чмошник Пичушкин. Всё произошло в 1993 году. Этот год запомнился мне на всю жизнь

– именно тогда в нашем доме появился видеомагнитофон. Видик, если по простому. Отец, особенно под бутылку водки, любил смотреть на нём кассеты, взятые в долг у его собутыльников. Частенько это была дешёвая порнуха и он даже накидавшись не позволял мне в такие моменты присутствовать в комнате и гнал пинками на кухню. Но как и любой пацан в одиннадцать лет я вкушал запретные плоды, когда отец уходил на работу или бухать (что чаще). Не удивлён, что мать умерла – мало кто выдержит такую мразь. Но я немного отвлёкся.

Порно мне быстро надоело – я не находил в нём ничего интересного. Кроме моментов с пощёчинами и сцен с плётками. Да-да, и такие кассеты находились у бати. Но и эти сочные сцены приелись. Смотреть по телевизору про упадок экономики и назревающий конфликт в Чечне мне не хотелось. Это могло стать причиной моей преждевременной гибели от скуки. Тогда я обратил внимание на кассеты с обычными фильмами, аккуратно сложенными в шкаф под телевизором. Я влюбился в кинематограф. Почти каждый вечер я смотрел что-нибудь новенькое, а если батя не приносил свежих кассет, пересматривал старые заново. «Терминатор», «Робокоп», «Рэмбо», вестерны и детективы с Клинтом Иствудом, многочисленные фильмы с великим Брюсом Ли – и это только первое, что вспомнилось.

Конечно, жанр «ужасы» не обошёл меня стороной. Я с наслаждением смотрел как Джейсон Вурхиз рубит в капу-

сту тупой молодняк фирменным мачете, ловил каждый кадр того, как Кожаное Лицо режет людей как скот бензопилой, чтобы потом подать на стол бифштексы из человеченки, часто сквозь хохот слушал очередную грязную шутку Фредди Крюгера после очередного убийства перчаткой с лезвиями. Уже в сознательном возрасте я пытался собрать похожую перчатку, чтобы разнообразить процесс моей личной охоты, но осознал, что в чём-то мой отец-алкаш был прав – мои руки и правда растут из жопы.

Все эти злодеи стали и до сих пор остаются моими кумирами, но даже они меркнут на фоне того самого, который по настоящему меня вдохновил. Такой вопрос – ты ведь смотрел «Молчание ягнят»? Я и не сомневался, это классика детективных триллеров. опережая твою догадку – нет, не Ганнибал Лектор стал моим вдохновителем, хотя голодный взгляд Энтони Хопкинса до сих пор мерещится мне в темноте. Главный антагонист, то есть Баффало Билл, вот кто запал мне в душу. В первый раз посмотрев фильм, я где-то с минуту сидел с открытым ртом, пока шли финальные титры. Потом отмотал кассету на нужное место и пересмотрел известную сцену с танцем ещё раз.

Знаешь, это был первый случай, когда мне захотелось достать постер фильма, чтобы повесить в своей комнате, но в те времена было почти невозможно достать настоящий постер какого-либо фильма. Поэтому, придя одним днём домой после школы и сделав уроки, я обременил себя дополнитель-

ной работой по ИЗО – начал карандашами и ручками создавать постер на обычном листе А4. Должен сказать, рисуя я из рук вон плохо, но в тот раз получилось ничего так, почти похоже на обложку кассеты, которую я взял за образец. На стену было повесить не стыдно, что я сразу же и сделал.

Постером всё не ограничилось. Из финальных титров я узнал название песни, под которую плавно танцевал Баффало – «Goodbye horses» в исполнении К. Лаззаруса. Я наведался в местный музыкальный магазин и так как никаких карманных денег у меня отродясь не было, я выждал момент и стащил с прилавка нужную кассету. Это был первый и последний раз, когда я что-нибудь крал. Нет, я вообще не чувствовал угрызений совести, отнюдь. Мне просто было противно осознавать насколько я беден и в тот день я поклялся не воровать.

Но ощущение собственной ничтожности окупилось вдвойне. Теперь, каждый раз оставаясь дома в одиночестве, я ставил на магнитофоне кассету с знаменитой песней и, напялив отцовский банный халат на голое тело, начинал выделывать па. Время в танце пролетало точно болид «формулы 1». Однажды я так подрывался ни много ни мало час.

Я подражал Баффало Биллу, но мне хотелось *стать* им. Мне не нужно было всматриваться в зеркало, чтобы понимать, что образ ни разу не полный. У меня появилось желание отпустить длинные волосы и проколоть сосок, вставив в него колечко. Второе желание, к счастью, оказалось мимо-

лётным, однодневным даже. Но вот первое я исполнил – в пятнадцать я отрастил локоны до плеч и так и проходил лет до двадцати.

Я вижу ты заскучал, мозгоправ. Не волнуйся, мы плавно добрались до интересующего тебя момента моей насыщенной жизни.

Помнится, была суббота, 16 октября. В школу идти было не нужно и, как обычно и бывало в выходные, я был предоставлен самому себе. Друзей по двору или по школе у меня не было, не завелись. Не сказать, что я сильно об этом жалел – не было ещё ни одного человека, который мог по настоящему заинтересовать меня. Прохаживался я, значит, около дома, пинал попадающиеся под ноги камушки, как вдруг кое-что привлекло моё внимание. Это кое-что лежало в песочнице, в которой почти не было песка. Кукла. Типичная такая для тех времён кукла – безволосый младенец с пухлыми щеками и мёртвыми блестящими глазами, которые прикрывались, если куклу положить горизонтально. Она была не в лучшем состоянии – никакой одежды на ней не было, правая рука была выдрана с корнем, а на макушке был чёрный, расплавленный след от сигареты. Шестерёнки в моей голове закрутились. Я сразу смекнул во что хочу поиграть с этим потрёпанным жизнью куском резины и пластика, но мне не хотелось, чтобы кто-то увидел, что я уношу куклу с собой. Я опасливо осмотрелся. Двор был пуст и тих. Только где-то в соседнем квартале пронеслась машина с мигалками. Недол-

го думая, я схватил куклу за оставшуюся ручёнку и направился в место, где всегда мог уединиться — «кишлак».

«Кишлак» (чёрт знает почему именно такое название дали местные) представлял из себя заброшенную территорию с недостроенными высотными домами. Уверен, в каждом городе в те времена были такие вот заброшенные стройки. Территория была большая. Достаточно большая, чтобы две группы людей могли зависать там и не знать о присутствии друг друга. Ни тебе сторожа, ни собак — броди не хочу. За-всегдаемыми там были бомжи, наркоманы, совсем опустившиеся алкаши и школьники-искатели приключений. Судя по пентаграммам на стенах, иногда туда и сектанты заходили.

В общем, место было одним из тех, в которые я бы никогда не сунулся в тёмное время суток, будучи ребёнком. Но стемнеть должно было ещё не скоро, а днём это место не пугало меня совсем. Я без каких-либо сомнений и проблем пролез через дыру в заборе и пошёл между недостроек, которым уже никогда не суждено было стать каменными гигантами. Я был здесь не в первый и даже не в десятый раз и точно знал куда иду. К котлованам.

Я так понимаю это были «заготовки» для фундамента очередного высотного чуда, которое даже частично не начало существовать. Различных рвов, ям и пропастей там было полно. Одну такую яму я присмотрел давно — не слишком глубокая, но и не подкоп для закладки. В общем, нашёл я старое ведро из-под краски, старую, ржавую проволоку, свя-

зал всё вместе и был готов к игре. Положив несчастную куклу на дно, я приступил:

– Оно должно втирать лосьон!

Голос я постарался подобрать самый загробный, на который был способен, что было непросто – в одиннадцать я был той ещё писклём. Но вот голос напуганной жертвы у меня получился более чем достоверный:

– Прошу вас, пожалуйста. Я хочу домой, я хочу к маме!

– Теперь оно кладёт лосьон в корзинку.

Тут я начал отпускать проволоку и ведро стукнулось об дно ямы.

– Прошу вас, я никому не скажу, если вы меня отпустите!

– Оно кладёт лосьон в корзинку.

Я закричал сначала пискляво (как бы закричала моя жертва в яме), а потом издал свой обычный крик. Прикрыв рот рукой, я засмеялся. Мне правда было весело и я ещё раз убедился, что не нужна большая компания или хотя бы один друг, чтобы было весело. Хотелось придумать ещё что-нибудь, разыграть сцену из ещё какого-нибудь фильма, но меня остановил оклик. Я вздрогнул, будто меня застучали за чем-то непристойным. Я был уверен, что один на всей стройке. Но, как я и сказал, «кишлак» слишком большой.

Повернув голову на звук, я понял, что у меня проблемы. Ко мне, обходя котлованы, направлялась знакомая фигура. Я понял кто это ещё по походке. Походке человека, идущего на «стрелку», с намерением покалечить хотя бы одного про-

тивника. Проволока выскользнула из мигом вспотевшей руки и ведро глухо стукнулось об дно ямы.

Это был Сеня. Именно Сеня, а не Арсений. За обращение полным именем, он мог жестоко избить. Хотя, многих он избивал без видимых на то причин. Любил он подраться. Я слышал это было связано с какими-то отклонениями в его башке. Даже не смотря на приступы беспричинной агрессии и неспособность перейти из пятого класса в шестой на протяжении вот уже трёх лет (да, на тот момент ему было четырнадцать), его не спешили переводить в спец школу. Родители у него были «буржуями» и не мало денег вложили в нашу школу. Думаю не стоит объяснять снисходительность со стороны директора на его счёт.

Одно радовало – в школе он появлялся редко. Но в тот день, в выходной, когда я надеялся отдохнуть от его издевательств и тумачков, он нашёл меня.

– Э, педрила!

Голос его звучал не по годам грубо, но разговаривал он как десятилетний. Я поднялся на ноги и собрался бежать, но был зажат в угол – за спиной метрах в пятидесяти одна стена забора из бетонных плит соединялась с другой под прямым углом и единственной возможностью убежать был прорыв через Сеню и многочисленные котлованы. То есть, возможности не было. Я так и прирос к земле от чувства всепоглощающей безысходности.

– Думал, раз школы сегодня нет, я тебя не достану?

Он залихватски дёрнул за козырёк свою красную кепку. Микки Маус весело улыбался с чёрной футболки Сени.

Он подошёл уже вплотную. Уже в одиннадцать лет я был довольно высоким, но даже при этом я смотрел на этот бульдозер на ножках снизу вверх.

Сеня глянул в яму, которая была как бы душегубкой ма-
ньяка, и оскалил кривые зубы.

– В куколки играешь, гомик? Ты так даже мальчиков не привлечёшь.

– Оставь меня в покое. Дай хоть в субботу от тебя отдохнуть.

– Знаешь что? Твоя мать говорила мне тоже самое.

Я думаю, ты догадываешься, что бурю эмоций я после такого не испытал. Мне никогда не приходилось испытать хоть одной понятной эмоции. Маму я почти не помнил, она умерла когда я ещё под стол пешком ходил, но я понимал, что нельзя позволять подобного рода швали так о ней отзываться.

– Заткни свою пасть.

Вот так легко. Сам не понял как в подобной ситуации, в том положении у меня с языка слетели такие слова. Видно было, что Сеня был удивлён не меньше меня, но он оправился быстрее чем я. Его удивление моментально превратилось в ярость.

Удар был мощный, пришёлся слева, в челюсть. Я даже не успел осознать произошедшее, не говоря уже о том, чтобы

потереть место удара, когда он схватил меня за грудки толстовки, только чтобы снова кинуть меня на землю, в пыль.

– Похороню тебя прямо здесь, утырок!

Под рёбра прилетел носок его ботинка. Воздух из лёгких вышибло сразу.

– Убью и ничего мне за это не будет! Папа меня отмажет.

Коленку пронзила острая боль – эта мразота с размаху опустила на неё тяжёлый каблук.

– Да и кто вообще будет тебя искать? У бати твоего останутся собутыльники, о тебе он вообще забудет.

Нового удара не последовало. Я приоткрыл до этого зажмуренные глаза.

– Знаешь чего мне хочется?

Вопрос, как оказалось, не требовал ответа.

– Отлить.

Сеня схватил меня за шиворот, как нагадившего котёнка и потащил к яме, в которой до сих пор лежали ведро и покалеченная кукла.

– Сброшу тебя сюда и хорошенько обоссу. А уж потом откручу тебе твою уродливую башку.

Мне всё стало ясно в тот момент. Он говорил абсолютно серьёзно. Это был уже не Сеня, который школьный задира. Это был Сеня, который хочет записаться в убийцы. Диснеевский грызун всё так же улыбался с его футболки, как будто одобрял всё происходящее.

А вот тут самое интересное. Такие моменты обычно опи-

сывают фразами типа «разум как в туман опустился» или «глаза застелила пелена», но у меня язык не повернётся говорить настолько пафосно. Единственное, что тогда возникло у меня в голове, это осознание. Простое, я бы даже сказал примитивное. «Либо он, либо я». Речь шла о выживании, улавливаешь?

Сеня тащил меня спиной по земле, с которой моя правая рука уже ухватила тяжёлый кусок кирпича. Левая готовилась ухватить его ногу в нужный момент, когда он поднимет одну, чтобы сделать шаг и окажется в неустойчивом положении. Через мозг прошло формальное «обратной дороги не будет» и я крепко вцепился в сенину ногу.

Он с удивлённым рёвом свалился на землю, подняв плотный столб пыли. В тот момент, когда он развернулся на спину, чтобы вскочить на ноги, я навалился на него. Он был вдвое крупнее меня и ему бы не составило труда сбросить меня, поэтому действовал я быстро.левой рукой я вцепился в его горло, а левой коленкой покрепче упёрся в пах. Сеня уже хотел выкрикнуть что-нибудь в своём стиле, но я его заткнул. Навечно.

Правая рука с куском рыжего кирпича усердно работала. Я опускал её на левый висок Сени сверху вниз по дуге, пока не устал. Это произошло уже спустя время после того как его глаза закатились. После того как стихли его хрипы.

Пот с моего лба стекал на его проломленный череп, я порядком запыхался. Поднявшись на ноги, я понял, что он не

врал, когда говорил, что ему нужно отлить – между ног на его брюках растянулось тёмное пятно. Я глянул на свою коленку и мне захотелось ещё разочек приложить остывающий труп Сени кирпичом – она слегка пропиталась его отходами.

Я не долго думал, что делать дальше. Нельзя было вот так оставлять его, даже ребёнком я это понимал. Ухватив Сению под мышками, я, крихтя, потащил его к единственному по настоящему надёжному месту, чтобы избавиться от тела. Этим местом был небольшой карьер, там же, на территории «кишлака». Карьер был глубоким и наполнен дождевой водой, которая испарялась разве что летом. У этого «пруда» я, покопавшись в строительном мусоре, нашёл канат покрепче и валун побольше. Привязав ноги Сени к валуну, я в последний раз глянул на его бледное изуродованное лицо, на отметины от ногтей на его шее, на всё такое же тёмное пятно на его брюках и сбросил валун с крутого берега карьера. Он смачно плюхнул в воду, а за ним и тело Сени. Я нервничал, что валун окажется не слишком тяжёлым или карьер конкретно в том месте окажется неглубоким, но всем что поднялось на поверхность воды было лишь парочка пузырьков. По воде прекратили расходиться круги. Как будто ничего и не произошло.

Постояв немного, я уже решил было идти, но вспомнил кое о чём важном – улики! Я быстренько вернулся к яме, прихватил всё барахло, после чего скинул в карьер. Ведро и кукла уже ушли на дно, а я всё рассматривал красную бейс-

болку Сени, слетевшую с его головы при падении. Разум подсказывал бросить её в воду, но внутренний скупердяй напоминал, что вещь может пригодиться. Я повертел бейсболку в руках. Красная, фирмы «Найк» (думаю, не стоит объяснять какая это была роскошь в те времена), не единого пятнышка крови. Перетянув ремешок сзади под размер своей головы, я напялил её. Она всё ещё была тёплая и влажная от пота Сени. Любой другой на моём месте, наверное, тут же с отворачиванием скинул бы бейсболку в воду. Но я не стал. Я почувствовал что-то средневековое. Убил врага и считай стал им, получил его силу.

Я в последний раз глянул в воду, внимательно оглядел одежду на предмет пятен крови и поспешил домой. Где-то вдалеке расходился гром, а мне не хотелось попасть под дождь. Хотя в этот раз я был ему рад. Если и оставались какие-то улики и следы, которые я не убрал, за меня это делает природа.

Артемий замолчал и Алексей понял, что это конец истории. Он отключил диктофон.

– И что, никаких угрызений совести?

Мясник посмотрел на него как на идиота. Хотя скорее как на ребёнка, который задаёт очевидно глупый вопрос, но ему это простительно в силу возраста.

– Помню, шла новая учебная неделя. С момента убийства прошло дней пять. Было утро, я подходил к школе и, подой-

дя к главному входу, мысленно похвалил себя за то, что додумался не надевать трофейную бейсболку. Там была женщина, в которой я узнал мать Сени (не помню как её звали). Она показывала его фотографию ученикам и родителям, провожавшим своих детей в школу. Задавала типичный в её ситуации вопрос – «вы не видели моего сына?». Когда я подошёл ближе, очередь дошла до меня. Я хорошенько оглядел мать Сени. Она была плоха. Бледная, осунувшаяся. Глаза заплаканные и уставшие. Складывалось впечатление, что она не спала с того самого дня, как Сеня не вернулся домой. Она ткнула мне в лицо фотографию. На ней был изображён Сеня, как обычно выглядящий как самый настоящий бычара. В тот момент я убедился, что не испытываю никакой жалости к этой горем убитой женщине и её сыну, которого убил собственными руками. Помнится, я лишь покачал головой и зашёл в школу. В конце учебного дня классный руководитель сообщил нам, что Сеня пропал (как будто по небывалому спокойствию в школе на протяжении почти недели этого кто-то не заметил) и попросил нас связаться с его матерью, если у нас есть хоть какая-то информация. Также, он попросил нас быть осторожными, потому что «кто знает, на его месте может оказаться любой из нас, время ведь беспокойное». Всё это мне очень льстило. Столько шумихи и всё из-за чего-то, в чём виноват я. А самое главное, что никто даже не догадывался о моей причастности. Это ощущение, когда ты знаешь что-то важное, но не можешь похвалиться. Опы-

няет и раздражает одновременно. Ещё я полностью убедился, какую услугу я всем оказал. В столовой со стороны почти каждого столика было слышно восхищение тем, что Сеня наконец куда-то пропал. Может быть даже сдох. Без него дышать стало легче, так говорили мои одноклассники. Похожее я расслышал в разговоре двух учителей в коридоре. «Ужас, конечно, что Сеня вот так пропал, но без него на уроках стало спокойнее». Я вспоминаю всё это до сих пор и не перестаю задаваться вопросом – все эти лицемерные ублюдки правда считают *меня* чудовищем?

Артемий умолк, судорожно глотнул. У кого угодно устанет горло столько говорить.

– Кстати, если тебе интересно, ту красную бейсболку я тем же вечером выкинул в мусорный бак.

Таких подробностей Алексей не знал, но он был не первый, кому Мясник рассказал про «начало отсчёта». Психиатр знал, что вздувшееся и бледное тело этого Сёмы нашли, когда вода в карьере порядком испарилась под палящим солнцем лета следующего года. Уже через десять лет череда убийств, объединенная схожим почерком, возобновилась и не ограничилась не то что районом с заброшенной стройкой, но даже одним городом – жертв находили в разных городах по всей европейской части страны. Поражало терпение Мясника, он мог отказаться от убийств надолго. Но не навсегда. Это сгубило его, как и подавляющее число серийных убийц.

Алексей заметил на лице Артемия что-то неестественное – слабая ухмылка. Не будь он представителем своей профессии, не сказал бы, что она фальшивая, как у всех психопатов.

– Что-то не так?

– Нет, док. Просто жду, когда ты начнёшь размышлять о влиянии первого убийства на всю мою жизнь.

Поразмыслить было о чём. Первое убийство на стройке – убийца через время открывает успешный строительный бизнес. Но Алексей не хотел доставлять ему такого удовольствия.

– На самом деле я думал о другом. Личина успешного бизнесмена и уважаемого члена общества шла на пользу, не правда ли?

– Более чем. Тут ты абсолютно прав, мозгоправ. Внешность у меня, так скажем, не очень располагающая, но манерами и щедрыми пожертвованиями в разные фонды, я отводил от себя весомую часть подозрений.

Алексей расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

– Днём заниматься благотворительностью, а ночью – забирать жизни. Наверное, ни один психиатр не поймёт как вам, убийцам, это удаётся.

– Разве можно понять чистое зло?

– Значит ты признаёшь, что совершал зло.

Тут Мясник совершил неожиданное – он наклонился вперёд. Цепи звякнули, после из его уст прозвучало то, что Алексей на всю жизнь запомнил:

– Ты не понял, пацан. Чистое зло – это я, а не мои деяния.

Через минуту хриплый голос нарушил тишину:

– У тебя есть хобби?

Алексей ещё в университете усвоил одно правило – ни у клиента, ни у психиатра не может быть друг к другу слишком личных вопросов.

– Я иногда выбираюсь на рыбалку.

– А я вот людей мочу. И для меня убить так же просто, как для тебя выловить рыбёшку из речки поутру.

– И никаких угрызений совести?

Вопрос ради вопроса, итак ответ очевиден.

– У охотников бывает угрызения совести?

– Значит так ты рассматривал убийства невинных людей – охота, азартное занятие?

– Я слышу упрёк и враждебность в твоём голосе.

– Тяжело скрывать эмоции в разговоре с тем, кто отнимал жизни у беззащитных.

Мясник откинулся на спинку стула.

– Я не убивал беззащитных. У каждой из моих жертв всегда был шанс или возможность дать мне отпор.

– Даже у женщин?

– Мне ли, человеку прозябающему в неволе, рассказывать какие нынче пошли женщины. Ответить могут ощути- мее некоторых мужиков. До сих пор вспоминаю ту хрупкую молодую брюнеточку. Электрошокер, представляешь? Чуть не ушла, но было приятнее сворачивать ей шею.

Алексей произвольно сжал мокрый от собственных ладоней диктофон. Артемий не мог этого не заметить и воздержался от подробностей. Почему? Возможно не испытывал неприязни к психиатру. Если такие как он вообще могут испытывать неприязнь в понятном смысле этого слова.

– А как же тот мальчик? -процедил Гоффман сквозь зубы. – Он был совсем ребёнком, по определению не мог дать сдачи.

– Проба пера. – отмахнулся Артемий. – Благодаря ему я убедился, что убивать детей – не мой стиль.

«Его звали Борис Петров. Десять лет отроду. Он шёл домой после дополнительных вечерних занятий. Наверное думал о том, как поужинав с родителями, сядет играть во что-нибудь с друзьями по сети. Его звали Борис Петров, а «не проба пера», козёл.»

Конечно, Алексей этого не сказал. Профессиональная этика. Кроме того, камера видеонаблюдения в левом верхнем углу помещения не внушала ощущения безопасности. Если Мясник захочет, переломит его как охотничье ружьё ещё до того как охрана, с дубинками наперевес, ворвётся сюда.

Гоффман получил что хотел, но всё никак не мог попроситься и уйти. Ему *хотелось* продолжать разговор с Артемием, хотя он не мог до конца себе в этом признаться.

– Стиль?

– Он ведь есть у каждого убийцы, если не ошибаюсь?

– Это так, и должен сказать, что твой «стиль» заставил следователей попотеть. Почти всегда разный способ убийства, жертвы различного пола, возраста и социального статуса. Ты не брезговал никем и ничем.

– Я считаю, что в этом ремесле и не должно быть никакой брезгливости.

Повисла тишина.

– Одного я не могу понять – зачем нужно было устраивать почти две недели непрерывных убийств? Зачем такая неосторожность? Убивал бы как и раньше с большими интервалами и поймали бы ещё не скоро.

Мясник задумался и через пол минуты вздохнул:

– Не знаю.

На другой ответ Алексей и не рассчитывал. Значит, единственным объяснением до сих пор оставалось влияние смерти отца Артемия. Маньяк его ненавидел, не раз в открытую об этом заявлял на допросах, но всё же это был его отец. Вот он с горя и устроил резню.

– Ты ведь не хотел в тюрьму?

– Что за вопрос? Конечно не хотел. А кто-то хочет? Кормёжка здесь отвратная, не говоря уж об условиях содержания.

«Как хорошо, что мы не в Норвегии и тебя посадили туда, где тебе самое место, а не в санаторий с решётками на окнах.»

Алексей оставался с виду невозмутимым и не стеснялся

своих мыслей.

– Можешь мне не верить, но у меня были планы на старость.

– Неужели?

– Да, и не понимаю к чему такое удивление. Кто-то к старости копит на кругосветное путешествие, кто-то на загородный коттедж, ну а я начал откладывать деньги на собственный дом для квестов.

Алексей удивлённо приподнял бровь. Чего угодно он ожидал, но не этого.

– Ничто не вечно, особенно здоровье и сила. Как только мне стукнуло 35 я перестал в этом сомневаться. 20-25 лет пролетают незаметно и я понимал, что только они пролетят, я перестану быть таким крепким и проворным. Примерно тогда же я посмотрел дилогию фильмов «Коллекционер». Все эти смертоносные ловушки, которые маньяк мастерски расставлял в помещениях произвели на меня неизгладимое впечатление. Вот я и подумал – а чем я хуже? Арендовать где-нибудь далеко за городской чертой заброшенный дом или склад и превратить его в своеобразное паучье логово, напичканное растяжками, капканами, проваливающимися полами, после чего выдать всё это за крутой квест-рум. Мясо будет само ко мне приходить да ещё и платить за свою смерть. А я тем временем наблюдал бы за процессом через видеокамеры, типа той, что за моей спиной висит, под потолком. Конечно, это не то же самое что мочить собственно-

ручно, но хоть какая-то альтернатива для старика с жадной
убийства, которым я должен был стать.

Алексей поражался – опять он свёл всё к фильмам.

– Другими словами – хорошо, что тебя схватили.

– Да, в подобном обществе стоит держать таких как я в
клетке.

– А в каком обществе не стоит?

– Такого общества ещё не создали.

Общества в которых Мясник ощущал бы себя как рыба
в воде уже существовали. Слава и почёт ожидали бы его во
времена Римской империи, если бы он сражался на арене Ко-
лизея. Награды не заставили бы себя ждать, если бы он рабо-
тал палачом в концлагере в нацистской Германии. Алексей
был просто уверен в этом.

Он понял, что уже давно следовало закругляться.

– Честно, поговорил бы с тобой ещё пару часов, но у меня
на сегодня есть ещё планы.

– Понимаю. Я иногда стал забывать, каково это иметь ка-
кие-то планы.

Алексей собрал немногие свои вещи и направился к вы-
ходу.

– Ты же не мать Тереза, да?

Алексей обернулся. Забава у него что ли такая, говорить
загадками?

– Я имею в виду, я уже попросил тебя об одной услуге
– попросить выделять мне сигареты. Я пойму, если ты про-

игнорируешь ещё одну мою просьбу.

«Редкого рода манипулятор!»

– Смотря что за просьба.

– Я знаю, в тюрьме есть телевизор и, хоть и скудная, но какая-то фильмотека. Мне бы хотелось получить к ней доступ.

– Я могу лишь попросить за тебя, но обеспечат ли тебя табаком и кино зависит исключительно от твоего поведения. Постарайся не калечить персонал тюрьмы и других заключённых.

– Я сделаю, что смогу.

– Аналогично.

Алексей постучал в железную дверь и вышел из комнаты допросов.

Петренко ждал за дверью.

– Он рассказал вам всё что нужно? Разговаривал вежливо?

– Более чем.

– Не угрожал?

– Нет-нет, всё прошло отлично.

– Точно? А то вы какой-то бледный.

– Просто не выспался.

Петренко глянул на дверь.

– Чтоб вы понимали, я вам доверяю, но нас ждёт неприятная формальность. Нам придётся вас обыскать.

– Если так нужно.

Они прошли в другое, более просторное помещение, где двое охранников похлопали его с рёбер до щиколоток и попросили вывернуть карманы. Когда с этим было покончено и Петренко провожал Алексея по коридору к выходу, психиатр заговорил:

– Я должен вам кое-что передать. Спиридонов попросил.

– Что же? – Дмитрий изогнул левую бровь.

– Он пообещал вести себя нормально. Взамен требует доступ к фильмам и обеспечение сигаретами.

– После всего что он хотя бы здесь натворил? Да не в жизнь!

– Я вас понимаю и считаю, что он не заслуживает и таких мелочей. Я просто исполняю свою часть договоренности – передаю просьбу.

– Договоренности?

– Пришлось пообещать ему, что я замолвлю за него словечко. Я боялся, что иначе он не будет говорить так охотно.

Петренко сплюнул прямо на бетонный пол.

– Не верится мне, что это зверьё исправится. Он слишком пристрастился к вкусу крови.

– Его история подсказывает, что он может долго сдерживать себя.

– А потом в один прекрасный день устроит нам веселье...

– Многие серийные убийцы «перегорают» с возрастом, особенно в тюрьме.

– Мне кажется это не про него.

Уже за пределами тюремных стен, на парковке, в своей старенькой «хонде» Алексей ещё раз прослушал записанный на диктофон рассказ маньяка и прокрутил всё остальное, что услышал, в голове.

Этот парень был психопатом, никаких сомнений. Отсутствие эмоций и каких-либо угрызений совести, вот что подтверждает это прежде всего. Родился ли он таким или стал вследствие тяжёлой жизни – вопрос для профессионалов со стажем.

Единственными моментами, когда в глазах Спиридонова загорался огонёк интереса, были его рассказы про кино. Было понятно, мужик жил этим также, как жил убийствами. Он говорил, что в «Молчании ягнят» больше всего его впечатлил Баффало Билл, но Алексей заметил, что Спиридонов пытался выглядеть и вести себя подобно главной звезде этого фильма – Ганнибалу Лектору. Понятное дело, у него плохо получилось. Лектор был психопатом, но человеком умным и образованным, планирующим всё на десять шагов вперёд и не допускающим случайностей. Артемий же имел средний (на грани с низким) уровень интеллекта, окончил только общеобразовательную школу, а его неуловимость объяснялась исключительно везением и абсурдной наглостью в совершении преступлений. То, что версию о серийном убийце, о том что все преступления были совершены одним человеком, долгое время не рассматрива-

ли всерьёз, также поспособствовало его неуловимости.

В числе его жертв большую долю составляли мужчины среднего возраста. Как психиатр Алексей видел здесь очевидную причину – месть отцу за пьянство и плохое отношение. В каждом из них он видел отца. Каждый раз, когда опускал молоток, вонзал нож или стягивал удавку крепче.

Конечно, без странных и загадочных моментов его дело не обошлось. Примерно за пять лет до того как попасть под стражу, одним зимним вечером Артемий стал свидетелем того, как какой-то парень вырвал сумку у перепуганной пенсионерки и пустился наутёк. Спиридонов догнал его в соседнем квартале и придушил в подворотне попавшимся под руку полиэтиленовым пакетом. Зоя Ибрагимова растерянно стояла на том же месте и не знала, что делать. Её счастью не было предела, когда появился широкоплечий и высокий мужчина средних лет со странной улыбкой, протягивающий украденную у неё сумку. Артемий вызвался проводить 78-летнюю женщину до дома, за что та пригласила его зайти на чай. По её собственным показаниям они поболтали где-то час о всякой ерунде, после чего Спиридонов допил чай и просто ушёл. Когда Зоя Ибрагимова узнала, что в тот вечер к ней зашёл серийный убийца, на счету которого уже был не один десяток отнятых жизней и чьи руки в тот момент ещё не успели остыть от трепыхающегося тела несостоявшегося воришки, её чуть не хватил удар. Вопрос остаётся открытым – почему Мясник не убил пенсионерку? Он никогда не брезговал

убийством людей преклонного возраста, так что об "уважении к старшим" речи идти не может. Зоя жила одна, ни родственников, ни тесного общения с соседями – пропади она, никто бы не хватился. Об этом маньяк точно знал из разговора с Зоей. И всё же, не тронул. Может быть уже "утолил" свою жажду в тот вечер. Кто знает?

В "хонде" было просто невыносимо душно, так и заживо свариться недолго. Алексей сделал плечами пару круговых движений, чтобы рубашка хоть немного отлипла от тела. Он с третьего раза завёл старый двигатель, бросил последний взгляд на главный тюремный корпус и выехал с парковки. Дома его ждала жена и сытный обед, а всё зло пусть остаётся позади. Всех убитых этим Мясником людей уже не вернёшь, но радует одно – из тюрьмы его уже никогда не выпустят, а сбежать отсюда не получится, даже будучи таким "шкафом" как Спиридонов.

Ожидая зелёного света на перекрёстке, Алексей Гоффман пришёл к очень простому, но не лежащему на поверхности выводу – лучшее, что можно сделать против серийных убийц, это придать их забвению. Зло бессильно, если не найдётся того, кто будет нести память о нём через поколения.

28.12.2020